

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.11

EDN: GIOUZK

Проблема одиночества в урбанистической среде: опыт городов российского Дальнего Востока

Ссылка для цитирования: Панфилова А. О. Проблема одиночества в урбанистической среде: опыт городов российского Дальнего Востока // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 2. С. 191–211. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.11; EDN: GIOUZK

For citation: Panfilova A. O. The problem of loneliness in the urban environment: experience of cities in Russian Far East. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 191–211. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.11; EDN: GIOUZK

Панфилова Анна Олеговна¹

¹ Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

anna_pl.vl@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 835694

Аннотация. В статье рассматривается феномен одиночества человека в городе. Постоянно возрастающая роль города как жизненного пространства обуславливает изменения и в образе жизни человека, и в его внутреннем мире. Одиночество, будучи во все времена имманентным спутником бытия, в современных общественных реалиях также отличаются специфические черты. На их формирование повлияли динамические социальные факторы и агенты. Цель статьи – обозначить социальный контур городского одиночества путем анализа релевантных теоретико-методологических и эмпирических данных.

Методологию исследования вопроса определили: урбанистический дискурс в социологии (Г. Зиммель, Р. Парк, А. Лефевр); социальные концепции одиночества (Н. Покровский, Ж. Пузанова, Э. Кляйненберг); концепция современного сложного общества (З. Бауман, С. Кравченко), а также элементы социопространственного подхода. Эмпирическая основа исследования представлена серией полуформализованных фокусированных интервью с респондентами – жителями больших городов Дальневосточного федерального округа РФ с использованием нарративного принципа работы с данными, а также элементов контент-анализа.

Результаты исследования представлены эмпирически выделенными нарративами одиночества, интерпретацией их социального контекста. Отмечены основания для анализа одиночества как феномена, получающего дополнительное развитие в условиях разнонаправленных и нелинейных процессов городской жизни. Факторную социальную роль в этом играют многообразие и дифференциация общественной жизни, социальная анонимия и индивидуализация жизненных практик, кризис института доверия как ценности

коллективных взаимодействий, продолжающаяся «атомизация» домохозяйств. Большое значение имеют также коренные сдвиги в массовом сознании, обусловившие восприятие добровольного одинокого образа жизни как выгодного и ценного. Социальные контуры одиночества аффилированы с интенсификацией городского образа жизни, индивидуализмом, неуверенностью в будущем.

Автором формулируется вывод о низком уровне социального капитала респондентов как одном из значимых факторов одиночества, а также о ресурсном характере города в развитии одиночества как личностного переживания и как практики одинокого образа жизни.

Ключевые слова: одиночество, одиночество в городе, город, пространство города, урбанизация, глобализация, аномия, социальное доверие, одинокий (сингулярный) образ жизни

Изменения, произошедшие за последние десятилетия в мировом социокультурном пространстве, огромны. Необходимость соответствовать быстро изменяющимся реалиям – глобальным, цифровым, общественно-политическим – предъявляет новые требования к нашим знаниям и компетенциям, заставляет пересматривать скорость адаптационных и идентификационных процессов, а также и обыденной, и научной рефлексии наступившего и происходящего. Трансформации подверглись и самые основания жизни современного человека, общая конфигурация социальных отношений.

Одиночество – тот феномен, дискурс которого безусловно актуален в контексте происходящих сейчас глобальных перемен. Будучи интуитивно понятным по своей сути каждому, тем не менее, это явление имеет и множественные смысловые и эмоциональные грани, а также обладает динамическими свойствами, способностью к развитию. «За кажущейся простотой данного явления скрываются глубинные изменения внутреннего мира человека, которые являются отражением острых социальных, духовных, личностных конфликтов, разъединяющих людей. В современном атомизирующемся обществе проблема одиночества приобретает все более острый характер, причины которого требуют постоянного серьезного осмысления» [6, с. 57].

Развитие же одиночества среди горожан – тот ракурс проблемы, который сегодня имеет актуальный статус, во-первых, в силу системной значимости города и урбанизации в современной жизнедеятельности человека. Во-вторых, формы и практики одиночества последних десятилетий, получившие, по мнению ряда исследователей, характер «пандемии», показывают, как и насколько на современном этапе общественной жизни меняются ее ценностные основания, происходит радикальный пересмотр ранее единственно приемлемых способов бытия. Так, например, прежний традиционно проблемный фокус восприятия одиночного (сингулярного) образа жизни сменился на прямо противоположный: в современных реалиях он становится желательным и выгодным, а за определенными демографическими изменениями стоит уже «структурное одиночество достатка» [31]. Соответственно, корректны и актуальны вопросы о том, как

и в какой мере соотносится «вечная» тема одиночества человека с современной жизнью в городских локациях; как рефлексруется и развивается одиночество в условиях городов, развитие которых в последние десятилетия приняло беспрецедентный по масштабу и значимости характер. Эти соображения обуславливают как собственно постановку вопроса, заявленного в теме, так и его теоретический анализ, и эмпирическое исследование.

Обзор литературы по проблеме

Как объект научного изучения одиночество представлено в различных гуманитарных дискурсах – социальном, культурологическом, психологическом, отображаясь с соответствующих предметных и методологических позиций. Свое отражение оно находит и в естественнонаучной мысли, например в психопатологии, поскольку может быть связано с рядом психических девиаций [12]. Соответственно, даже беглый просмотр его научных репрезентаций показывает многомерность проблематики.

Несмотря на кажущуюся внятность, дать одиночеству исчерпывающее предметное определение, даже оставаясь в рамках конкретного научного поля, весьма сложно. Социологически оно может быть осмыслено и представлено, к примеру, через «наиболее близко приближающиеся к нему традиционные понятийные инструменты» [20, с. 189] – например, отчужденность, аномию, изоляцию, социальную эксклюзию. Многие ученые – как значительно более ранних периодов (например, связка одиночества-отчужденности в работах К. Маркса) до современных авторов-исследователей одиночества и его граней (Н. Е. Покровский, Ж. В. Пузанова, Э. Кляйненберг, Л. Сведсен и др.) – так или иначе рассматривают его природу как релевантную миру социального. Последний же, получая свое наиболее концентрированное и «пестрое» выражение в условиях продолжающегося развития городских форм жизни, способен формировать и социальные сценарии развития одиночества.

Эта связка отмечается в фокусе внимания мыслителей-урбанистов еще в конце XIX в., хотя и более ранние философы эпизодически указывали на одиночество человека в городе¹. Позднее для социально-философской и социологической мысли стало почти типичным отмечать и анализировать влияние городской среды на личность, сознание и поведение человека (Э. Дюркгейм (через социальную аномию и слабую сплоченность горожан); М. Вебер (через множественность и обезличенность связей в городе); Г. Зиммель (через индивидуализм, отчужденность, высокую социальную дифференциацию)). Более предметно связь города с настроениями и состояниями его жителей показали в своих работах Р. Парк, Э. Берджесс, Л. Вирт. Общая и ключевая идея их анализа заключается в том, что город усиливает, простирает и выставляет напоказ человеческую природу во всех ее разнообразных проявлениях [18].

¹ Р. Декарту приписывается фраза о том, что одиночество следует искать в больших городах.

Значение этого тезиса для дальнейших размышлений о связи города и человека фундаментально, ведь, по сути, ни один общественный феномен не может рассматриваться вне влияния урбанизации – по ее линии «пролегает сама граница между традиционным и современным обществом» [10]. В жизненной логике городского пространства сочетаются концентрированная дифференциация и неравенство, открытые каналы восходящей мобильности и эксклюзия, многовариантные риски по ходу социального движения – все то, что требует от человека принятия, понимания, адаптации, соотнесения со своим внутренним мироощущением.

Экономически феномен, получивший неформальное название «эпидемии одиночества», чаще всего выражается через большие цифры сингулярных домохозяйств (с одним проживающим человеком). «Тенденция к росту домохозяйств, состоящих из одного человека, распространяется на все регионы мира. Между странами существуют большие различия...» [30], но так или иначе, отмеченное есть общемировой тренд, интенсифицировавшийся во второй половине XX в. Так, Евростат приводит распределенные межстрановые данные (2006–2019 гг.), подтверждающие выраженную тенденцию этого роста¹. По данным Евростата и European Union Labour Force Survey (EU-LFS), за период с 2009 по 2021 г. количество домохозяйств в ЕС, состоящих из одного взрослого, живущего с детьми или без детей, выросло на 27,4%. Число домохозяйств, состоящих из одного человека и не имеющего детей, в ЕС увеличилось на 28,5%². Эти же источники указывают на рост числа одиноких взрослых во всех возрастных группах в 2021 г. по сравнению с 2009 г. Рост составил более 15% для всех категорий.

Данные предыдущих переписей населения РФ также показали рост числа таких домохозяйств. В 2002 г. их насчитывалось 11,7 млн, в 2010 г. их количество составило уже 14,02 млн (это 25,7% всех домохозяйств и 10% населения страны). Заметный вклад в картину социальной дифференциации «домохозяйственных» субъектов одиночества вносит фактор урбанизации. Основная группа регионов сконцентрирована по доле одиноких частных домохозяйств в городской местности России [2]. Авторами также отмечается, что «наивысшее число домохозяйств с одним проживающим человеком в основном находится в городских зонах...» [2].

Тем не менее тренд современной «эпидемии одиночества», выраженный в формате растущего числа таких домохозяйств, не однозначен. Во-первых, это – «косвенный показатель одинокого проживания» [30]. Во-вторых, большую роль играет фактор его добровольной или вынужденной практики. «Большая доля добровольно одиноких людей способствует экономическому росту, тогда как рост вынужденного одиночества

¹ Distribution of households by household size – EU-SILC survey // Eurostat. Data Browser. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ILC_LVPH03_custom_1443305/default/table?lang=en (дата обращения: 23.08.2022).

² Household composition statistics // Eurostat Statistics Explained. Data extracted in May 2022. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Household_composition_statistics#Increasing_number_of_households_consisting_of_adults_living_alone (дата обращения: 23.08.2022).

имеет разрушительные экономические последствия»¹. К такому выводу пришли А. Родригес-Позе и К. Бурлина в своем исследовании 2021 г. [29]. Соответственно, необходимо различать одиночество как проблемное переживание (недостаточного количества или качества социальных связей и/или их глубины) и одинокий образ жизни как собственный выбор.

Оптика «свежих» исследований высвечивает также важную связь одиночного проживания «с общим ростом благосостояния в мире» [31]. Этот образ жизни «часто выбирают люди, которые могут себе это позволить» [30]. Приводятся и экономические обоснования таких выводов. Так, В. Демьяненко, обобщая материалы современных западных исследований [30; 31], в частности, показывает, что «корреляция между уровнем доходов и числом одиноко живущих людей сохраняется и на внутривнутристрановом уровне», и отмечает, что «одиночек больше в тех регионах, где кипит деловая жизнь, а внутри городов таких людей особенно много в самых богатых районах»².

Продолжающееся развитие глобальных трендов капиталистического уклада общественной жизни репрезентирует ее во многом через категорию неравенства; через все то, что «пространственно воплощает фундаментальный принцип отчуждения и принуждения», а в крупных городских ансамблях – как «доведенное до крайних пределов расслоение» [13, с. 21]. Социальное пространство формируется в том числе «посредством функционирования и развития механизмов монетарного и немонетарных видов неравенства» [16]. В высококонкурентной городской среде они особенно усиливают разобщенность и индивидуализм, борьбу за обладание благами, редуцируют доверие и глубину групповых связей, усугубляют травмирующее восприятие реальности [21; 6].

Следуя логике урбанистов, к определению города можно подойти через понимание его как коллективно конструируемой социокультурной реальности. Следовательно, это пространство особого качества, подлежащее освоению все большим количеством игроков и представляющее собой «институционализированную практику, систематизированную сеть; ... потоки и открытые пространства испещрены множеством правил, конвенций, институтов контроля и регулирования» [1, с. 20]. Процессы развития, реконструкции и трансформации городского пространства имеют свои оценки в различных методологиях, к примеру в социально-географической, в трудах Э. Со́йа, А. Лефевра, Дж. Джейкобс. В современных «текущих» городских локациях стартуют и разворачиваются преобразования физические до максимальных высот интеллектуального. В трактовке А. Лефевра, «городские ансамбли, особенно самые большие,

¹ Кувшинова О., Демьяненко В. Экономика двух одиночеств // ЭКОНС. Экономический разговор. 22 декабря 2021 г. URL: https://econs.online/articles/ekonomika/ekonomika-dvukh-odinochestv/?bx_sender_conversion_id=1091579&utm_source=newsletter&utm_medium=mail&utm_campaign=ekonomika_dvukh_odinochestv_riski_borby_s_riskami_koronakrizis_i_set_finansovoy_bezopasnosti (дата обращения: 11.07.2022).

² Демьяненко В. Мир самодостаточных одиночек // ЭКОНС. Экономический разговор. 21 октября 2021 г. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/mir-samodostatochnykh-odinochek/> (дата обращения: 26.08.2022).

демонстрируют в действии аналитическую мысль (или, если угодно, чисто аналитический разум), доведенную до крайних пределов» [13, с. 20]. Категория пространства может быть репрезентирована как динамический процесс [14], «надындивидуальная» техническая самоорганизация городской системы [15]. Оригинальная концепция отношений субъекта с пространством через категории (модусы) отчуждения, транзитивности и признания (теория «пересечения социальных пространств») представлена в работах А. Пирни [19]. Речь идет о наличии структурных ограничений (физических или культурных границ) внутри городского пространства, с которыми связаны социальная эксклюзия, процессы геттоизации. Отчуждение здесь выступает вариантом выстраивания отношений с ним. Методологически (а в нашей теме и предметно) важной здесь выступает функция социального производства, присущая пространству и создаваемой им реальности. Эта сила конструирует и определяет характер коллективно-групповых взаимоотношений, пространственных процессов идентификации (К. Тилли, А. Пирни, Ж. В. Николаева), маргинальности (С. Сассен, Л. Вакан, Е. Стариков, И. Ю. Лапова), миграции (Н. Е. Покровский).

Пространство города, понимаемое с такой позиции, – это не набор его географических обозначений и меток; оно многомерно, не имеет универсальных параметров. Потребление пространства, участие в его производстве и последующие эффекты становятся тем важным, что сопровождает жизнедеятельность жителей. Одиночество как внутреннее переживание разлада между собой и социальной средой становится одним из побочных результатов этих процессов, вплоть до его позиционирования «как продукт “полного отчаяния” городской жизни» [23, с. 51].

Теоретически близким одиночеству понятием является социальная аномия. «Аномия позволяет подвести под категорию одиночества прочную основу современной социальной теории» [20, с. 191]. Так, осмысление природы глобализации и ее влияния на состояние социальной системы и общественные отношения показывает скорее естественный и закономерный характер аномии в логике пространственно-городской организации. Аномия как ситуация слабости нормативных ориентиров и регуляторов, вариативности ценностно-нормативного поля «бьет» по социальным связям и солидарности (в логике Э. Дюркгейма), выступая своего рода яблоком «социального раздора», нарушая баланс отношений и связей субъекта с окружающей реальностью. «Люди чувствуют, что живут в мире с ослабленными человеческими связями» [8, с. 21; 28]. Ее развитие способствует большим уязвимостям человеческого сознания и мироощущения: ослаблению общей уверенности человека в заданном социокультурном поле. Как предмет научной мысли последних десятилетий аномия предстает во взаимосвязи с «современными формами самоотчуждения» (Э. Ингдал, М. Карлехеден) [9, с. 5]. Эта категория, впервые появившаяся в работах К. Маркса, была им представлена через отношение рабочего к своему труду, своей деятельности как к чему-то чуждому. Сегодня эти сценарии выражают себя в самоотчуждении человека от гораздо более

социально разнообразного – от места (в социопространственном смысле), способов действий и взаимодействий, значимых ориентиров. К примеру, самоотчуждение от пространства города проявляется в его фактическом неприятии, отторжении, даже ненависти. Иные варианты развития – разрушение коллективных ценностей, связей и субкультур, традиционных сообществ; выраженный индивидуализм и его ценности; самоотчуждение от действующих реалий в пользу виртуальной реальности¹, сетевых коммуникаций, чрезмерного потребления.

Можно заметить, что так или иначе понимание аномии связано с ее же свойством формировать, устанавливать границы и правила личных отношений с социальным, опосредовать их. Весомый вклад в современную картину аномии внесли факторы и феномены глобализации, например медиа-симулякры [3] как инструмент работы с массовым сознанием. «Симуляции и симулякры, пришедшие в нашу жизнь, стали фактором не только дисперсии ценностей и норм, но и сочетания прежде несочетаемого, что, естественно, внесло неопределенность в характер мотивации и деятельности людей, постоянно расширяя спектр социальных девиаций» [9, с. 7]. Глобализация как процессуальная доминанта общественного развития одновременно выступает и «испытанием на прочность традиционного характера институтов», и центрирует внимание к «пространственно-географическим параметрам социальных изменений, их глобальной всеохватности» [20]. Соответственно, современные контуры аномии определяются через глобально стимулируемые формы отчуждения, показывающие торжество индивидуального и дисперсию коллективного, развитие одиночных (сингулярных) практик жизнедеятельности.

Как свойство социальной реальности аномия имплицитно влияет на ее восприятие, утверждаясь сегодня «как норма современного социального» [8]. Такая ее оптика релевантна так называемой гипотезе «новой нормальности», которая возникла в период экономического кризиса 2008 года. Она была предложена для анализа и объяснения явлений в эпоху перемен, роста неопределенности, непредсказуемости мира. «В период коронакризиса эта гипотеза стала очень популярной, вышла на первый план, и под ней сегодня понимают не только экономические, но и социальные, психологические изменения в разных сферах жизни человека»². Как отмечает Г. В. Солдатова, важно то, что «требует смены привычного взгляда на окружающий мир, нового набора правил и идей».

Аномия есть макросоциологическое обстоятельство, препятствующее формированию «культуры доверия» [27]. Развитие аномии генерирует упадок доверия как особого качества отношений между субъектами, как традиционной ценности, элемента «социального капитала» [26].

¹ Примером является феномен хикикомори – фактический разрыв человеком всех реальных связей и контактов и «перенос» жизни в виртуальную среду; своего рода самоотчуждение от действующих реалий социума.

² Солдатова Г. В. Цифровая личность как феномен 21 века: встреча с «новой нормальностью». Доклад на 15 Санкт-Петербургском саммите психологов, 6 июня 2021 г. URL: <https://psy.su/feed/9511/> (дата обращения: 07.07.2022).

Устойчивое воспроизводство и накопление последнего значительно осложнила критическая нехватка взаимного уважения, понимания и доверия [6]. Доверие инструментально формирует основу социальной уверенности. Характерной приметой времени и предметным полем научных размышлений является общее снижение его институциональной роли в контексте усиления глобализационных процессов (Э. Гидденс, Н. Луман, Ф. Фукуяма, П. Штомпка).

Таким образом, методологические основания анализа предмета данного исследования формируются на базе урбанистического и социопространственного подходов, а также с использованием элементов концепции сложного общества, формулируемой в трудах З. Баумана, С. А. Кравченко. Социальный ландшафт города конструируется через феномены «текущей» современности – формы неравенства, отчуждения, аномии, персонифицированного и краткосрочного поля взаимодействий, атомизации домохозяйств. Эти процессы, собственно, и актуализируют поиск оптики «новой нормальности», равно как и вопросы взаимоотношений людей с пространством, их традиционные и «новые нормальные» параметры, а также эффекты.

Опираясь на вышесказанное, концептуальные рамки предмета нашего исследования строятся, исходя из следующих методологических допущений:

1. «Смысловое наполнение пространства во многом определяет переживание внутреннего единства (или разлада) человека с миром» [17, с. 14]. Предметная сущность одиночества определяется как переживание субъектом недостаточного качества имеющихся связей и отношений как с близким, так и с неблизким окружением. Контент-анализ определений и категориальных репрезентаций показывает, что наиболее частыми смысловыми коннотациями с ним являются: дефицит социальных связей; потеря, нарушение связей с окружающей реальностью; разрушение целостности отношений; внутренний конфликт, разлад с самим собой. Так, в работе Ж. В. Пузановой [21] интегральная групповая дефиниция выводится «через социальные связи, их наличие/отсутствие, интенсивность, значимость. ... Социальные связи “наполняют”, поддерживают личность» [21, с. 44]. Указание на потерю или ослабление значимых социальных связей, неудовлетворенность их полнотой или содержанием в предметном контексте содержится в исследовании П. М. Козыревой и А. И. Смирнова [6]. Определение же социального пространства города как «совокупности социальных связей, взаимозависимостей и взаимодействий, проявления интересов разных групп горожан...» [7, с. 91–192] подчеркивает характер предметности нашего вопроса.

2. В оценке одиночества как социального феномена его природа релевантна природе аномии – неустойчивости и недостаточной крепости связей, их ценностной и духовной «пропитки». Аномия соединяет в социокультурном несочетаемое, бинарные конструкции, например «парадок-

сальное сочетание самого разного знания и незнания» [9, с. 8], становясь, по сути, типическим состоянием общественной системы. Соответственно, это специфицирует и социальное звучание нашего предмета.

3. Важным параметром глобального порядка, конструирующим место человека в социальной среде и отношения с ней, является неравенство, а также связанные с ним материальная незащищенность, бедность. «Недостаток финансовых средств ведет к снижению социальной активности человека, ограничивает число контактов с другими людьми, возможности общения» [6, с. 61]. В свою очередь, это играет большую роль в развитии тенденций разобщенности, отчуждения, индивидуализма [6; 21], которые, как было показано выше, аффилированы с социальными основаниями одиночества. Эмпирическое подтверждение этой связи можно увидеть в данных исследования П. М. Козыревой и А. И. Смирнова: «Свыше половины респондентов старше 70 лет, считающих себя самыми бедными, испытывают чувство одиночества практически всегда или часто, еще 20,7% – редко. Аналогичные результаты у одного из последних исследований Росстата в 2018 г., а именно – наличие корреляции между возрастом, низкими доходами, особенно когда оценка субъективна, и чувством одиночества» [6, с. 62]. Развитие последнего в такой логике представляет собой и своего рода «защиту от городской цивилизации со всеми ее последствиями: усреднением личности, господством конкуренции и т. д.» [23, с. 51], то есть необходимостью подчинения «дегуманизированным», рыночным правилам социальной игры.

4. Инструментальность связей и взаимодействий в плане освоения и потребления пространства города. Так, «сеть различных, пересекающихся между собой, городских практик сформирована множеством способов социального взаимодействия, экономическими и культурными трансформациями, специфическими соединениями повседневных действий, обусловленными реально существующими и виртуальными стратегиями освоения современного городского пространства» [17, с. 13]. Ослабленность социальных связей как важный фактор жизни в современном мире отмечал З. Бауман в своей последней (изданной посмертно) книге «Ретротопия» [28]. О роли связей как наиболее прочного «клея» человеческих отношений очень характерно писал Е. Н. Стариков: «Человеческие связи – это и есть социальность. Рвать их – значит десоциализировать человека. Надо избегать всего, что рвет человеческие связи – ненужных запретов, массовых миграций, принудительных распределений, насильственных выселений, тюремных заключений и т. д. и т. п., – чем мы, к сожалению, на сегодняшний день так богаты. Уже сверхдостаточно наломано и порвано – давно пора наращивать новые связи и восстанавливать утерянные. Как сказал Антуан де Сент-Экзюпери – “ничего нет в мире драгоценнее уз, соединяющих человека с человеком”...» [25, с. 202–203].

Методика исследования

Исходя из сказанного, основной исследовательский вопрос данной статьи – насколько социально обусловленным является одиночество в городе и можно ли наметить его социальные контуры? Проблемная ситуация актуализируется в контексте влияния на предмет исследования описанных выше феноменов современного сложного социума, а также «исходя из понимания бесконечной и своеобразной энтропии современного города и городского метанарратива» [17, с. 17].

Реализованное качественное исследование представлено серией фокусированных полуструктурированных интервью и построено по принципу критериального отбора респондентов. Объем панели – 25 человек. Методически реализация исследовательской цели планировалась через выделение и описание объектных нарративов с использованием принципа насыщения. Продолжительность каждого интервью составила примерно 25–30 минут; нарративные данные в ходе исследования собирались до возникновения устойчивого эффекта повтора вербальных конструкций ответов, т. е. до достижения «порога насыщения». Ответы были получены от жителей больших городов (двух территориальных кластеров – дальневосточных городов – столиц субъектов РФ (Хабаровск и Владивосток)), на момент опроса постоянно проживающих в городе.

Критериально выборка построена по следующим формальным статусным признакам:

- работающие/учащиеся обоих полов. Объясняется исследовательской потребностью по возможности «выключить» из исследования влияние фактора маргинальности, неустроенности, разочарованности – хотя бы в его формальном проявлении;

- на момент опроса проживающие в городе не менее 3 последних лет (с тем, чтобы не принимать во внимание возможные угнетенные состояния, связанные с миграцией, и способные исказить текущее восприятие);

- возраст не ниже 20 и не выше 60 лет. Этот фильтр детерминирован необходимостью проявления представителями этой группы большей жизненной и социально-экономической активности, личного и творческого поиска; суммарной более высокой мобильностью в социуме (по сравнению с более юными и старшими возрастными когортами). Указанные критерии призваны «отфильтровать» тех участников, у которых в текущий момент времени имеются большие возможности социально-профессиональной активности и самореализации; соответственно, нарративные материалы, представленные в результатах, получены от этой группы горожан. Также была проведена сегментация по полу (в выборку были включены 11 мужчин и 13 женщин) и возрасту: 5 чел. – 20–25 лет; 6 чел. – 25–35 лет; 5 чел. – 35–45 лет; 5 чел. – 45–55 лет; 4 чел. – 55–60 лет.

Структурные блоки гайда: наличие и типичность ощущения одиночества; субъективная оценка влияния города и/или городского образа жизни на самочувствие и его качество; индивидуальные ассоциативные связи

одиночества (семантические единицы); отношение к одинокому (сингулярному) образу жизни в городских условиях. В работе с данными использовался метод контент-анализа с установлением частоты единиц контента; семантическая оценка единиц контента; построение синонимического ряда контент-единиц; интерпретативная работа с ассоциациями.

Использование нарративного принципа «предполагает, что описание жизненного опыта происходит на основе нарративных структур, сформированных в обществе» [4, с. 305]; нарративный же анализ подразумевает «описание феномена в контексте его существования» [22, с. 64]. Операцией, позволяющей увидеть и отметить некоторые смысловые ориентиры, выделить их из более разнообразной нарративной информации, является метафора. Е. Г. Власова отмечает, что базовая метафора – это дискурсивная операция, связанная с определением нового явления посредством частичного сходства, или аналогии, что, в свою очередь, обеспечивает точку зрения для объяснения явлений и событий [4]. Таким образом, нарративная метафоричность – это свойство вербальных конструкций «высвечивать» ключевые семантические и смысловые точки исследуемого предмета. В нашем случае вербальные конструкции были получены в ходе использования метода интервьюирования.

Результаты исследования

1. Два равных по выраженности тренда в ответах, – первый, признание релевантности одиночества как переживания/состояния респондентов, испытываемого либо часто, либо время от времени. Второй – противоположный и менее выраженный – отрицание у себя этого переживания как такового.

Примечательно, что представители самой молодой подгруппы отметили, что испытывают одиночество часто или периодически, соотнося его в большей степени с непониманием, некоторой личной отчужденностью, наличием сложностей в общении с близкими и друзьями. Субъективно молодые респонденты ощущают его наиболее тяжело, то есть с наибольшей степенью сенситивного дискомфорта (по предложенной измерительной шкале). Суждения типа: «Мне кажется, я могу остаться одна на всю жизнь»; «Одиночество – вообще страшное чувство»; «Это очень плохо. Я сильно переживал одиночество, и помню, как мне было плохо», ассоциативно репрезентируют его со страхом и внутренней болью. Выделены метафоры «одиночество-боль» и «одиночество-страх». Отметим также, что для респондентов старше 45 лет характерна более частая и острая его репрезентация. Аналогичный результат представлен в работе П. М. Козыревой и А. И. Смирнова, которые отмечают, что «проблема одиночества обостряется после 40 лет» [6, с. 59], объясняя этот момент в своем исследовании.

2. Затруднение при оценке качества самого переживания. Контент в частотном распределении представлен в большей степени угнетенными состояниями: «грусть-печаль», «дискомфорт», «тяжесть», «когда

ничего не радует», «чувство бессилия», «меланхолия», «пессимистическое настроение», «грустное, но романтическое настроение». В целом, выделяется преобладание проблемного переживания, с трансляцией его негативного смысла.

«Несмотря на то, что вокруг меня всегда много людей, я очень часто чувствую свое одиночество. Живу в этом городе (Владивосток) уже более 10 лет. Могу сказать, что в первые годы это было редко. Тогда я учился в университете, только начал взрослую жизнь в большом городе... Иногда чувствую нехватку какого-то человеческого тепла» (м., 28 лет, сотрудник банка).

«Да, одиночество – мое почти постоянное ощущение. Это странно, потому что мы живем в большом городе. Для меня одиночество – это ... напряжение. Психологическое... Все время надо быть в “корпоративной маске”. Корпоративная этика... Я провожу на работе почти весь день, и практически все время надо “держаться лицо”. Мало остается времени побыть самой собой...» (ж., 36 лет, администратор торговой компании).

«Моя работа на 90% связана с людьми. Поэтому очень важен внешний вид. Надо выглядеть “как нужно”». Не могу сказать, что одиночество – моя проблема, но иногда бывает как-то грустно. Столько людей проходит за день, но всем нам, по сути, наплевать друг на друга...» (ж., 30 лет, менеджер-консультант торгово-выставочного зала).

3. Выделяется семантика традиционной связки «городская среда – внутреннее состояние человека»: формальность и интенсивность коммуникаций, высокое статусно-ролевое напряжение. Рамки повседневности упорядочивают индивидуальные практики, конструируют их по заданным правилам. Множественность контактов, дефицит личного времени, «подминание» работой прочих сфер жизнедеятельности, высокий темп жизни – все контекстуальные детерминанты, образующие проблемную нарративную репрезентацию. Заметим и то, что ее содержание не показывает как такового дефицита общения или ограниченности контактов.

По нарративному смыслу одиночество предстает здесь как неспособность (или субъективное восприятие такой неспособности) вписаться в реалии и получить удовлетворение (как минимум) и удовольствие (как максимум) от социального членства. Одна из женщин-респондентов рассказала случай: когда она находилась в очереди в банке, ее пыталась вызвать на разговор сидевшая рядом клиентка. Во время этой мимолетной беседы та обмолвилась, что вот в таких ни к чему не обязывающих ситуациях общения «приглушается» одиночество. *«Сыну-подростку неинтересно со мной, – у него своя жизнь. На работе – это не то; а когда вот так поболтаешь немного с человеком – видишь, что у всех есть трудности, не только у меня. И вроде уже не так одиноко...» (ж., 52 года, сотрудница службы клининга).*

Отмеченные респондентами неустойчивость или неустроенность социально-трудового положения и связываемая с этим неуверенность в будущем «нащупывают» сопряженность нашего предмета с прекариатностью и маргинальностью. *«Как-то беспокойно, неуверенно себя чувствую, ловлю себя на этом. Вдруг – потеряю работу, вдруг – заболелю надолго – и на что тогда жить, лечиться, все дорожает постоянно. Я без договора работаю, хоть и на хорошем счету, – а страшно, и вот реально одиноко от этого бывает»* (ж., 38 лет, консультант). *«Фриланс – это, прежде всего, free, свобода. Но, как и за все, за нее надо платить. Я плачу да, тем, что пашу, как конь, сплю по 4–5 часов в сутки. Случись что – ипотеку мою платить будет некому. Иногда кажется, что весь мир против тебя. Ты один – и борешься за выживание, за “бабки”...»* (м., 35 лет, фрилансер). *«У меня, в общем, стабильная работа... Но прямо уверенным свое положение назвать не могу. Скорее я не уверена в будущем, в благополучии – смогу ли я его и дальше обеспечивать – жизнь так беспокойна. По большому счету ведь каждый сам за себя. Одиноко бывает на фоне этого»* (ж., 40 лет, риэлтор, работает без оформления трудового договора).

Кажущееся внешнее благополучие множества других как способное усугублять переживание одиночества – еще один контент-фактор, выделенный из ответов. *«У всех все хорошо, все куда-то бегут, знают куда, и чего хотят знают... А я как будто «не в теме» – часто вообще не знаю, что делать... Вот тогда одиноко... И тяжело»* (ж., 42 года, сотрудница рекламного агентства). *«Уже довольно долго я не могу найти работу по специальности. Это при том, что я вижу, много таких как я – в таком же положении. Грустно от этого, никому мы не нужны. Выучились и барахтайся, как хочешь. Как повезет – в городе вроде и много всего... А “поймать” свое трудно... Наверно, для меня – одиночество – это неустроенность. Чувство, когда ты никак не можешь занять нужное место. Какая-то ненужность... И вроде знаешь его и где искать знаешь, а не получается»* (ж., 27 лет, безработная). Контекст маргинальности, выделяемый из данной реплики респондента, по своей выраженности и представленному характеру показывает способность отягощать ситуацию «самоотчужденности-неустроенности». Вообще, маргинальность городского пространства как свойство последнего «размывать» и обесценивать индивидуально-топологические связи и идентичности, вероятно, способно развивать отчуждение и в иных плоскостях отношений – например, деформировать субъективное «право на город», нивелировать социальную активность и оптимизм.

4. Самоотчужденность предстает здесь как форма вынужденного неучастия в значимых социальных практиках и последующее отношение к происходящему как чему-то чуждому, хотя мы делим одно пространство и де-юре обладаем равными возможностями. Эта отстраненность дает ощущаемое субъектом равнодушие среды к подобному положению дел. Соответственно, данная форма отчужденности и равнодушия – выделяемая семантическая коннотация. В таком их понимании они укладываются в го-

родскую «диалектику гибкости и безразличия» [24]; тому, что «люди подвержены “нео-отчуждению”, субъективно испытывают на себе то, что мир «мертв и глух» к их проблемам» [8].

«Человек сильно чувствует свое одиночество в городе. Мой любимый сериал “Секс в большом городе” об этом. “Толкучка”, суета отнимают много сил... Это безразличие... Ты на самом деле безразличен этой толпе. Да и мне она безразлична. Мне нужна эта городская суета, я городской житель, но жить в городе нелегко» (ж., 46 лет, фрилансер).

«Не могу сказать, что чувствую одиночество часто. Но когда вижу в транспорте или на улице как люди целиком уходят в телефоны... Какое-то беспокойство, что ли... Как будто каждый только в своем мире живет. А что вокруг – вообще все равно. Иногда это тревожно, как будто ты совсем один... Никому нет до тебя дела» (ж., 21 год, студентка).

«Последнее время очень устаю на работе. Общение однотипное... Я заранее знаю, что мне скажут в ответ на мой вопрос, и что нужно дальше сказать мне. Меня можно было бы записать на диктофон – треть рабочего времени точно сэкономили бы...» (м., 38 лет, офис-менеджер).

5. Отметим элементы прагматичного восприятия одинокого (сингулярного) образа жизни. Последний в работе Э. Кляйненберга «Жизнь соло» [5] представлен следствием изменений конфигурации городских пространств, расширением индивидуальных возможностей риска, эксперимента, независимости как ценности с обновленным перечнем бытийных смыслов. Практика одинокого образа жизни в городе предстает как более выгодная экономически, позволяющая сохранять высокую меру личной мобильности и наращивать ее под собственные цели, а также ограничивать личную ответственность (за партнера, за качество отношений с ним). В этом смысле одинокий образ жизни работает как средство психологической страховки от нежелательных эмоций, как способ защиты личного пространства, которое ценно. Таким образом, полученные данные схожи с выводами исследования, которое реализовали А. Родригес-Позе и К. Бурлина [29].

В практике сингулярного образа жизни также имеются очевидные психологические преимущества в виде метафоры свободы – от личных обязательств (характерно для респондентов молодого возраста), ответственности и рисков, связанных с ними. Тем не менее интегральный нарративный тренд выражается в неполезности и неправильности его затягивания. Это проявляется через такие вербальные оценки, как: «Длительное его состояние нехорошо»; «Так быть не должно»; «Люди начинают жить не тем, чем нужно». Последний при уточнении дальнейшего смысла формулируется как деформация привычных семейных ценностей и последующая ориентация на нетрадиционные и неполезные в оценках респондентов практики – чрезмерную увлеченность работой, различными развлечениями и увлечениями, а также рисками злоупотребления алкоголем. Таким

образом, нарратив сингулярного образа жизни до определенной временной черты предстает полезным. Это своего рода ресурс, повышающий шансы на успешность и личностное развитие, также говорит об актуальном ценностном статусе свободы и персональной мобильности. При затягивании его практики – оценочно сопрягается с девиантными рисками.

Помимо этого, сингулярный образ жизни в нарративах горожан дальневосточников способен явиться катализатором трудовой и профессиональной активности и, как следствие, индивидуальной мобильности. Прагматическое его восприятие, сформулированное нашими респондентами, является созвучным данным, которые приводят в своих работах К. Снелл [31], А. Родригес-Позе и К. Бурлина [29]. В таком понимании он также обретает некоторые очертания социального лифта. *«Да, я одинок и одиночка – у меня пока нет своей семьи. Зато я могу сосредоточиться на работе и отдавать ей свое время, если вижу, что оно того стоит. В плане карьеры – мой одинокий образ жизни – явный плюс»* (м., 28 лет, сотрудник банка). *«Я умею сосредоточиться на деле, если это нужно. После развода я сильно переживала, но потом с головой ушла в работу, и сейчас есть реальные шансы на повышение. Учитывая, какие расходы в городе – а у меня еще ипотека – это для меня сейчас самое важное. Так что мое одиночество сейчас для меня даже полезно, надеюсь и квартиру я скоро выкуплю»* (ж., 34 года, сотрудница социальной сферы). *«Я чувствую одиночество, и довольно часто. Но, в принципе, я довольна своей жизнью, хотя времени реально не хватает. Наверно, потому и бывает одиноко – что не успеваешь, что нужно бы. Иногда и подумать толком нет то времени, то сил... Нужно многое успеть, пока не связана семьей»* (ж., 25 лет, госслужащая).

Выводы

На основании проведенного теоретического анализа и полученных в ходе полевого исследования данных мы полагаем возможным обобщенно выделить два нарративных тренда к пониманию одиночества и практики сингулярного образа жизни. Сущность первого – в собственно проблемном статусе этого переживания, его тяжести, рисках психологических расстройств (депрессии, апатии, пессимизме) и девиаций. Является характерным для вынужденного одиночества.

Второй – условно ресурсный – нарратив показывает сингулярный образ жизни как источник дополнительных возможностей при разумном «использовании» и относительно недолгой практике. Это, в свою очередь, подразумевает наращивание личной и социальной активности и мобильности, а также показывает актуальность личной свободы и независимости как инструментальной ценности. Этот нарратив релевантен части данных исследований, приведенных выше.

Сингулярный образ жизни в оценках дальневосточных горожан сопряжен с:

- психологической деструктивностью при его затягивании (многолетней практике – как вынужденной, так и добровольной);
- определенной экономической целесообразностью и психологической комфортностью;
- сознательным выбором в пользу временно одинокого образа жизни по индивидуалистическим мотивам.

Представлены определенные семантические корреляции. В выделенных нарративах смысловые и перцептивные грани одиночества сопряжены с¹:

- общей нестабильностью жизни. Нарративный тренд – неуверенность в текущих обстоятельствах и беспокойство за завтрашний день: «каждый бьется в одиночку» (по словам респондентов); что рассчитывать на взаимную помощь в ее широком понимании не приходится. Полученные данные обнаруживают субъективно выраженный низкий уровень социального капитала респондентов. Полагаем корректным репрезентировать это как один из социальных факторов одиночества – в формате «вынужденной отчужденности», неуверенности в будущем, его благополучии. Проведенный анализ дает основания позиционировать одиночество в городе как феномен, имеющий факторную социальную обусловленность;

- ощущением «тяжести равнодушия» города. Городской контекст показан упоминанием многочисленности и даже избыточности его социально-пространственных субъектов и объектов – людях, связях, ролях, нагрузке;

- нехваткой свободного времени на реализацию личных желаний и потребностей, высокой профессионально-ролевой нагрузкой;

- необходимостью увеличения заработка, профессиональным ростом; как следствие, большими индивидуальными усилиями, постоянным поиском новых возможностей, ростом психологического и психического напряжения;

- «давлением» большого количества людей (масса-декорум). Ключевая нарративная метафора – «одиночество в толпе».

Есть эмпирические основания отметить также инструментальный смысл выбора сингулярного образа жизни – его способность сработать на прагматические цели субъекта. Здесь отмечены также его функциональность и рациональность при условии «незатягивания» – тогда его практика в представлениях респондентов вполне вписывается и в субъективную картину благополучия, не противоречит ей. Четкие временные/возрастные рамки, за которыми полезность переходит в деструктивность, не установлены.

Поскольку современный город имеет высокую значимость как жизненное пространство огромного количества людей, очень важным видятся его исследования в контексте «жизненного мира»²; продолжение перехода

¹ По итогам подсчета семантических единиц – начиная с наиболее частой и далее в порядке частотного убывания.

² Термин введен выдающимся мыслителем Э. Гуссерлем (1859–1938); в социологии его применяли А. Шюц, Ю. Хабермас.

от функционального, практического восприятия городского пространства к феноменологическому дискурсу. Авторы, работающие в «городском» предметном поле, практически единодушно отмечают необходимость гуманизировать развитие городского пространства с тем, чтобы обеспечить человеку более спокойное и гармоничное существование и самоощущение в условиях онога. Фактически это означает продолжение поиска форм и условий жизненного социального оптимума в многофакторных и динамичных условиях «сложного» общества. Собственно, этим объясняется целесообразность работы по изучению феноменов одиночества, маргинальности, девиантных практик и рисков, субъективного благополучия в контексте их развития в логике городского пространства. В дальнейшей работе перспективными и интересными автору видятся исследования феномена одиночества в контексте темы городских идентичностей; о предметном соотношении социального доверия и его роли в укреплении межгрупповых и коллективных связей и отношений. Очевидна необходимость развития междисциплинарных дискурсов одиночества как феномена, способного «подпитываться» социальным влиянием и энергией города.

Библиографический список

1. Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. № 3-4 (34). С. 1–25.
2. Берзин Б. Ю., Кузьмин А. И., Пышминцева О. А. Траектории воспроизводства институтов социальной изоляции отдельных групп населения в регионах России // Экономика региона. 2015. № 3. С. 123–133.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Рипол-Классик, 2017. 320 с.
4. Власова Е. Г. Я-нарративы и конструирование городской идентичности в урбанистически ориентированных медиа // Медиалингвистика. 2019. № 6 (3). С. 303–314. DOI: 10.21638/srbu22.2019.302.
5. Кляйненберг Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 279 с.
6. Козырева П. М., Смирнов А. И. Особенности возрастной структуры одиночества // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 56–69. DOI: 10.31857/S013216250009617-1.
7. Костко Н. А. Показатели городской идентичности как элемента социального пространства города // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 1 (25). С. 190–216. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.1.7.
8. Кравченко С. А. Новации в социологическом знании: по итогам XIII конференции ЕСА // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 18–24. DOI: 10.7868/S0132162518020034.
9. Кравченко С. А. «Нормальная» аномия: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3–10.

10. Куренной В. А. Сила слабых связей. Горожанин и право на одиночество // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города? / Ред.-сост. И. Фурман. М.: Стрелка-Пресс, 2017. 216 с.
11. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: ВШЭ, 2014. 384 с.
12. Лебедев В. И. Психология и психопатология одиночества и групповой изоляции. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 491 с.
13. Лефевр А. Идеи для концепции нового урбанизма // Социологическое обозрение. 2002. № 2 (3). С. 19–26.
14. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
15. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратов. М.: Логос, 2001. 408 с.
16. Мареева С. В. Монетарное неравенство в России в социологическом измерении // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 3. С. 78–98. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.664.
17. Николаева Ж. В., Троицкая А. А. Дискурс об идентичности как способ осмысления городского пространства // Журнал фронтальных исследований. 2020. № 1 (17). С. 11–28. DOI: 10.24411/2500-0225-2020-10001.
18. Парк Р., Баньковская С. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3–12. URL: <https://jsps.hse.ru/index.php/sociologica/article/view/586> (дата обращения: 12.06.2022).
19. Пирни А. Отчуждение, транзитивность и признание: нормативные архетипы для пересечения городских социальных пространств // Журнал фронтальных исследований. 2020. № 1 (17). С. 29–39. DOI: 10.24411/2500-0225-2020-10002.
20. Покровский Н. Е., Иванченко Г. В. Универсум одиночества. М.: Логос, 2008. 408 с.
21. Пузанова Ж. В. Социологическое исследование одиночества: проблема построения концептуальной модели // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2009. № 2. С. 42–46.
22. Пузанова Ж. В., Троцук И. В. Нарративный анализ: понятие или метафора? Социология: 4М. 2003. № 17. С. 56–82.
23. Пузанова Ж. В. Философия одиночества и одиночество философа // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2003. № 4-5. С. 47–58.
24. Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3 (66). С. 95–107.
25. Стариков Е. Н. Маргиналы // В человеческом измерении. М.: Мысль, 1989. С. 180–203.
26. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ, 2003. 480 с.
27. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. 440 с.
28. Бауман З. Ретротопия / Пер. с англ. В. Л. Силаевой. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.

29. Burlina C., Rodríguez-Pose A. Alone and Lonely. The economic cost of solitude for regions in Europe // *Environment and Planning A: Economy and Space*. April 2023. DOI: 10.1177/0308518X231169286.

30. Ortiz-Ospina E. The rise of living alone: how one-person households are becoming increasingly common around the world // *Our World in data*. December 2019. URL: <https://ourworldindata.org/living-alone> (дата обращения: 25.08.2022).

31. Snell K. The rise of living alone and loneliness in history // *Social History*. 2017. Vol. 42. Iss. 1. P. 2–28. DOI: 10.1080/03071022.2017.1256093.

Получено редакцией: 01.09.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Панфилова Анна Олеговна, кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социальных наук, Дальневосточный федеральный университет

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.11

The Problem of Loneliness in the Urban Environment: Experience of Cities in the Russian Far East

Anna O. Panfilova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: anna_pl@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6156-828X

For citation: Panfilova A. O. The problem of loneliness in the urban environment: experience of cities in the Russian Far East. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 191–211. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.11; EDN: GIOUZK

Abstract. The article deals with the phenomenon of human loneliness in the city. The ever-increasing role of the city as a living space causes changes both in the way of life of a person and in his inner world. Loneliness, being at all times an immanent companion of being, is also distinguished by specific features in modern social realities. Their formation was influenced by dynamic social factors and agents. The purpose of the article is to outline the social contour of urban loneliness by analysing relevant theoretical, methodological and empirical data.

The methodology for researching the issue was determined by the urban discourse in sociology (G. Simmel, R. Park, A. Lefebvre); social concepts of loneliness (N. Pokrovsky, Zh. Puzanova, E. Klinenberg); the concept of a modern complex society (Z. Bauman, S. Kravchenko), as well as elements of the socio-spatial approach. The empirical basis of the research is represented by a series of semi-formalised focused interviews with respondents – residents of large cities of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation using the narrative principle of data processing, as well as elements of content analysis.

The results of the study are presented by empirically identified narratives of loneliness, the interpretation of their social context. The grounds for the analysis of loneliness as a phenomenon receiving additional development in the conditions of multidirectional and non-linear processes of urban life are noted. A factor social role in this process is played by the diversity and differentiation of public life, social anomie and individualisation of life practices, the crisis of the institution of trust as a value of collective interactions, and the ongoing “atomisation” of households. Also of major importance are the fundamental shifts in the mass consciousness, that led to the perception of a voluntary solitary lifestyle as beneficial and valuable. The social contours of loneliness are affiliated with the intensity of the urban lifestyle, individualism, and uncertainty about the future.

The author formulates a conclusion about the low level of social capital of respondents as one of the significant factors of loneliness, as well as about the resource nature of the city in the development of loneliness as a personal experience, and in the practice of a lonely lifestyle.

Keywords: loneliness, urban loneliness, city, city space, urbanisation, globalisation, anomie, social trust, lonely (singular) lifestyle

References

1. Amin Je., Trift N. Vnyatnost' povsednevnogo goroda [The visibility of the everyday city]. *Logos*, 2002: 3-4 (34): 1–25 (in Russ.).
2. Berzin B. Ju., Kuz'min A. I., Pyshminceva O. A. The reproduction trajectories of institutions of social isolation of individual population groups in the regions of Russia. *Ekonomika regiona*, 2015: 3: 123–133 (in Russ.). DOI: 10.17059/2015-3-11.
3. Baudrillard J. Simulacra and simulations. Moscow, Rapol-Klassik, 2017: 320 (in Russ.).
4. Vlasova E. G. Self-narrative and urban identity construction in the urban-oriented media. *Medialinguvistika*, 2019: 6(3): 303–314 (in Russ.). DOI: 10.21638/spbu22.2019.302.
5. Kljajnenberg Je. A solo life. New social reality. Moscow, Al'pina non-fikshn, 2014: 279 (in Russ.).
6. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Loneliness: age features. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 9: 56–69 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009617-1.
7. Kostko N. A. Indicators of urban identity as an element of the city's social space. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 2022: 25 (1): 190–216 (in Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2022.25.1.7.
8. Kravchenko S. A. Innovations in Sociological Knowledge: following the results of the XIII conference ECA. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 2: 18–24 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162518020034.
9. Kravchenko S. A. «Normal'naya» anomiya: kontury kontseptsii ["Normal" anomie: the contours of the concept]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014: 8: 3–10 (in Russ.).
10. Kurennoj V. A. The power of weak connections. Citizen and the right to loneliness. In *Citizen: what do we know about a resident of a big city?* Moscow, 2017: 216 (in Russ.).
11. Latour B. Reassembling the Social. An Introduction to Actor Network-Theory. Transl. from Eng. by I. Polonskaya. Moscow, VSHE, 2014: 384 (in Russ.).
12. Lebedev V. I. Psihologiya i psihopatologiya odinochestva i gruppovoj izolyacii [Psychology and psychopathology of loneliness and group isolation]. Moscow, Unity-Dana, 2002: 408 (in Russ.).
13. Lefevr A. Ideas for the concept of new urbanism. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, 2002: 2(3): 19–26 (in Russ.).
14. Lefevr A. Space production. Transl. from Fr. I. Staf. Moscow, Strelka Press, 2015: 432 (in Russ.).
15. Mamford L. The myth of the machine. Technics and Human Development. Transl. from Eng. by T. Azarkovich, B. Skuratov (1 chapter). Moscow, Logos, 2001: 408 (in Russ.).
16. Mareeva S. V. Monetary inequality in Russia in the sociological dimension. *Vestnik instituta sotziologii*, 2020: 11: 3: 78–98 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.664.
17. Nikolaeva Zh. V., Troitskaya A. A. Discourse on identity as a way of understanding urban space. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*, 2020: 1(17): 11–28 (in Russ.). DOI: 10.24411/2500-0225-2020-10001.
18. Park R., Bankovskaya S. City as a social laboratory. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, 2002: 2: (3): 3-12 (in Russ.).
19. Pirni A. Exclusion, transition, and recognition: normative archetypes for crossing urban social spaces. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*, 2020: 1 (17): 29–39 (in Russ.). DOI: 10.24411/2500-0225-2020-10002.
20. Pokrovsky N. E., Ivanchenko G. V. Universum odinochestva [Universum of Loneliness]. Moscow, Logos, 2008: 408 (in Russ.).
21. Puzanova Zh. V. Sociological study of loneliness: the problem of conceptual model development. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*, 2009: 2: 42–46 (in Russ.).
22. Puzanova Zh. V., Trotsuk I. V. Narrative analysis: concept or metaphor? *Sotsiologiya: 4M*, 2003: 17: 56–82 (in Russ.).
23. Puzanova Zh. V. Philosophy of loneliness and loneliness of the philosopher. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*, 2003: 4-5: 47–58 (in Russ.).
24. Sennet R. Capitalism in a big city: globalization, flexibility and indifference. *Logos*, 2008: 3 (66): 95–107 (in Russ.).

25. Starikov E. N. Marginals. In: In the human dimension. Moscow, Mysl, 1989. 180–203 (in Russ.).
26. Fukuyama F. The Great Disruption. Moscow, AST, 2003. 474 (in Russ.).
27. Shtompka P. Trust is the foundation of society. Moscow, 2016. 440 (in Russ.).
28. Bauman Z. Retrotopia. Trans. from Eng. by V. L. Silayeva. Moscow, VTSIOM, 2017: 160 (in Russ.).
29. Burlina C., Rodríguez-Pose A. Alone and Lonely. The economic cost of solitude for regions in Europe. *Environment and Planning A: Economy and Space*. April 2023. DOI: 10.1177/0308518X231169286.
30. Ortiz-Ospina E. The rise of living alone: how one-person households are becoming increasingly common around the world. *Our World in data*. December 2019. Accessed 09.07.2022. URL: <https://ourworldindata.org/living-alone>
31. Snell K. The rise of living alone and loneliness in history. *Social History*, 2017: 42 (1): 2–28. DOI: 10.1080/03071022.2017.1256093.

The article was submitted on September 01, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna O. Panfilova, Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University